

ЕЛИЗАВЕТА СЛЕСАРЕВА
АВАТАР БОГА

Елизавета Слесарева

Аватар бога

<https://litres.ru/74162984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Федя всю жизнь страдает припадками эпилепсии, да ещё и температурой под 40, что никогда не падает. Друзей нет, родные умерли. Кто бы знал, что всё не просто так. Он не изгой и не инвалид. Он аватар. Его тело, помимо собственной души таит в себе дух одного из славянских богов – Семаргла. Потому то огонь так яростно выжигает самого Федю из тела. А что будет, когда бог всё же вырвется? Кто от этого пострадает первым? И чем Семаргл займётся, получив физическое тело?

Содержание

1.	5
2.	9
3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Аватар бога

1.

Федор красив, умен не по годам, высок, русоволос, кареглаз, иногда с проблесками желтизны в глазах, зубы ровные, белые, клыки как у хищника лесного. Вот только одинок, да болен.

Никакая девка на него в деревне никогда не смотрела, парни открещивались от дружбы, а последняя родня в город умотала. Отец спился и умер лет десять назад, бабка окочилась с год как, а матери он вовсе не знал.

А всё из-за эпилепсии проклятой. Судороги мучили его с детства, и температура под сорок градусов, ничем не сбиваемая, одолевала, словно сжигала все внутренности изнутри, иссушала кожу, лицо багровело, а конечности нехило так содрогались. Как увидели одноклассники в самом начале первого класса подобный приступ, так и стали смеяться. Изгоем Федора сделали. Потом он на домашнее обучение перешел. Не смог насмешки терпеть, а сдачи не мог дать. Потому и учиться дальше никуда не пошел, для этого в город нужно ехать, а он не может, плохо ему слишком всё время. Так и остался один из молодежи в селе, ну и еще некоторые, кто за родителями старыми досматривает, или хозяйство большое имеет.

Сегодня Федю накрыл очередной приступ. Бился он в аго-

нии, а тело извивалось у старого дивана в гостиной, когда он с него упал. Вновь по жилам словно огонь тёк, а конечности содрогались. Вскоре пытка закончилась, парень поднялся с пола и пошёл на улицу проветриться. За огородом он следил по мере сил, потому там мало чего урождалось. Хотя этой весной зацвели все фруктовые деревья. Федя вздрогнул, у забора стоял дед Виталя.

Вся деревня о нём шепталась. Называли его за глаза и ведьмаком, и магом, и волхвом, и ведуном. А по сути, простой алкоголик. Наверное... Федя с ним пересекался редко, однако Виталик часто стоял у его забора и словно чего-то ждал. Как и сейчас. Раньше деда бабка Федькина прогоняла, а сейчас некому. Да и зачем? Стоит себе, значит надо, пускай.

– Чего надо, дед? – спросил, задыхаясь, парень. Он ещё не выровнял дыхание после приступа.

– Совсем себя не бережешь, поди приступы-то всё чаще? – прищурился Виталик.

Федя кивнул. Откуда он узнал? Приступы в этом году совсем одолели – по три на дню. Спасу нет уже, а врача в селе нет. В город не поедешь. Таблетки и уколы давно уже не спасают.

– Выпусти его. Выпусти, поверь мне, пусть идет себе. Иначе совсем свое тело угробишь. Сожжет он тебя... Замертво... Ему почем смертное тело? Другое найдет. А ты и так всю жизнь мучился. Отпусти монстра.

– Ты о чем, дед? – накатил что ли уже с утра пораньше?

– Ох, не смекаешь ты, дурна башка, какая кара тебя дальше ждет, коли ты его не отпустишь из себя. – И так глазищами вперился в Федю, словно насквозь видел, или хотел что разглядеть внутри.

– Задохнешь, помяни мое слово, – Виталик махнул рукой и пошел дальше.

Парень остался стоять. Когда-то у него уже состоялся похожий разговор с этим дедом. Тогда он тоже что-то подобное говорил, мол, «выпусти дьявола» и «сожжет тебя и родных твоих». Ну, теперь у него никого не было, ни родных, ни друзей, ни любимой, пусть себе сжигает на здоровье, кто бы то ни был. Ему себя и свое болезное тело не жалко. И дом тоже. Дюже старый, гляди, скоро развалится. Нужно кирпичом обносить, денег нанять людей нет, а сам он не сможет. Мышцы скованы постоянно, и так еле ходит. Какая уж там лестница, да стремянка.

2.

Следующим вечером приступ был сильный, да и длился гораздо больше положенных при эпилепсии пяти минут. Она у Феде вообще всегда была нетипичной, и когда отец жив был и возил его в город, врачи только плечами пожимали. Мол, никогда такое чудо не видели и намекали, что видеть больше не хотят. Значило это: не приезжайте, мы вам ничем не поможем.

С этим Федя ещё в раннем детстве смирился. И с тем, что изгоем стал. И со взглядами жалостливыми от женщин-соседей тоже. Пусть жалеют, коли им так хочется. Ему плевать. А девки нос воротят? Ну и пусть с алкашами встречаются, из-под комбайнов их вечерами достают. Ему на это чихать. Нравилась ему одна девица, Сонечка, она никогда с него не смеялась, когда им было по тринадцать, даже хотела дружбу водить. Приносила свои девчачьи книги, хотела к современной литературе пристрастить. Пазлы всякие, чтобы он лучше руки разработал, когда они подолгу скрученные в судороге были. Она красивая была, нежная, смешная. Светлые кучеряшки, зеленые глаза, веснушки и ямочки на щеках. Только мать ее запретила к Феде ходить, сказала он больной, не заразный, но примета плохая. Нельзя с такими водиться, их

боги прокляли, кары наслали, негоже, чтобы перешло на кого. Федя тогда так испугался, что это правда, и на Сонечку может его болезнь перейти, что тоже согласился. А когда отцу обо всем рассказал, тот его хворостиной побил, приговаривая, чтобы бабам суеверным не смел верить. Тогда-то Федя понял, что верить никому нельзя. И богам, что его прокляли, хотя есть ли они, те боги? Позже понял, что это он атеистом в тот день заделался.

Так он за день потерял и подругу единственную, и веру, что кто-то да поможет ему. Наоборот понял, что, если и есть бог на свете, за что он такие страдания дал ему? Мать при родах померла, он в судорогах вечно извивается, а отец запил с горя. Так ни в чем его семья-то и не провинилась. Не грешила. Даже не ругался никогда никто дома. Если же есть справедливость, то почему всё так выходит? Значит, нет высших сил, что за правдой следят, да хорошим людям помогают. С этой мыслью Федя до сих пор живет.

3.

Жизнь пошла своим чередом. Только приступы учащались, да температура больше ни разу не спала. Тридцать девять с половиной. Даже приехавшая из соседнего села фельдшер на «скорой» руками развела, когда анальгетики не помогли. Сказала водкой обтереться, да в ванну холодную лечь, раз лекарства бессильны. И в больницу не стала увозить. Точнее Федя отказался. С ним это не впервые. Было уже такое, что с ничего температура сжигала словно до костей, а потом, через неделю-другую проходило. Просто давно не было, с год как, вот он и испугался. Даже «скорую» вызвал, не подумав, что никто возиться с ним не захочет.

Пролежав неделю, парень решил пойти в магазин. Купить холодного молока, водки для обтирки и еды, уже все запасы закончились, пока с жаром валялся. Да и температура немного спала, тридцать восемь с половиной всего, можно и подышать. Погода шепчет, скоро май, тепло, хорошо, солнечно. Может даже Сонечка на майские праздники к семье приедет, и он ее краем глаза увидит...

В магазине продавщица скупое ему улыбнулась, спросила, неужели опять рецидив, узнав, что да, запричитала, но скид-

ку не сделала. Хотя знала, что парень на одну пенсию по инвалидности живет.

Выходя из здания, вдалеке Федя заприметил Виталика. Тот прислонился к обветшалому забору заброшенного дома и наблюдал за ним. Хотелось уйти домой, но что-то неведомое потянуло парня к деду. Старик сразу приосанился, отлип от покосившегося забора, поправил засаленную фуражку и принялся ждать, пока молодой подойдет.

– Чего смотришь, дед? Коли еще сказать чего хочешь?

– Хочу, внучек. Хочу... – и вновь оглядел с ног до головы Федю, словно сканировал.

– Ну так и?

– Сжигает он тебя, ох как сильно. Приступ был? Слышал, вчера «скорая» приезжала? Давно ты их не вызывал. Совсем худо стало?

Федя лишь кивнул, к чему подробности его изнуряющей болезни.

– Коли совсем гореть будешь, приходи ко мне домой.

На этом сумасшедший дед развернулся и припустил в сторону своей избы. Причем лихо так, как даже Федя не смог бы. Никогда никто не задумывался, сколько старику лет. Может и не совсем он пожилой, может, шестьдесят или семьдесят ему? Или как объяснить, что он то с тростью хромает, то так быстро ходит?

Федя раздумывал над словами Виталика, когда проходил мимо дома Сонечки. На подъездной дорожке стоял белый Ситроен. Значит, приехала все-таки к родителям. Федя не стал караулить, чтобы ее увидеть. Село маленькое, за долгие выходные точно увидятся еще, если он сможет выйти за калитку вообще. Солнце так припекло, что казалось, температура вновь поползла вверх.

И правда, к вечеру совсем худо стало. Обливаясь испариной, парень достал градусник и с ужасом посмотрел на шкалу – ртутный столбик перевалил за отметку в сорок градусов. Судороги сковали тело. Вызывать «скорую» снова совсем не хотелось. Нужно переждать. Он слушал тиканье часов и считал секунды. Минуты. Прошёл час и его наконец отпустило.

Где-то за полночь история повторилась. Только жар и дрожь одолевали его уже два часа. А утром он целых три бился в конвульсиях на кухне, когда пошел за водой.

– Это не дело, – прошептал парень, натягивая теплый отцовский еще свитер. Его колотило так, что хотелось надеть пуховик. Хотя за окном были все двадцать четыре градуса тепла – этого казалось мало. Все из-за поганой температуры.

Федя направился к Виталику. Ведьмак он или сумасшедший, потомок волхвов или алкоголик, плевать, если есть хоть один шанс, что он знает, почему ему стало хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.